

Кирчанов Максим Валерьевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры
международных отношений и регионоведения
Воронежского государственного университета
maksymkyrchanoff@gmail.com

**НАЦИОНАЛИЗМ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ
В ГРУЗИНСКОЙ ССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1940-Х ГОДОВ**

Аннотация:

Национализм играл особую роль в жизни союзных республик в СССР. Грузинская ССР была среди республик, в которых национализм развился в большей степени. Формой национализма были гуманитарные исследования. В Грузинской ССР национализм тесно сросся с политической лояльностью. Это привело к появлению в Грузии национального коммунизма.

Ключевые слова:

Грузинская ССР, грузинский национализм, интеллектуалы, интеллектуальное сообщество, национальный коммунизм.

Kyrchanov Maxim Valerevich

Candidate of History,
lecturer of the chair of
international relations and of regional studies,
Voronezh State University
maksymkyrchanoff@gmail.com

**NATIONALISM
AND NATIONAL COMMUNISM
IN GEORGIAN SSR
IN SECOND HALF OF
1940-IES**

The summary:

Nationalism played special role in the life of Union Republics of the USSR. Georgian SSR was among the republics, in which nationalism developed most of all. The form of nationalism were the humanitarian studies. In the Georgian SSR the nationalism closely accreted with political loyalty. It led to institutionalization of national communism in Georgia.

Keywords:

Georgian SSR, Georgian nationalism, intellectuals, intellectual community, national communism.

В культурной и интеллектуальной истории Советского Союза мы можем выделить особый этап, определяемый как «высокий сталинизм», начало которого в Грузинской ССР совпадает с интеграцией интеллектуального сообщества в советский политический текст. Относительно хронологических границ «высокого сталинизма» [1, р. 439–458] в исследовательской литературе не существует единого мнения, а сама проблема имеет дискуссионный характер. Вероятно, под «высоким сталинизмом» следует понимать не только период, но и совокупность явлений в культурной жизни советского государства в период после оформления уникального советского политического канона лояльности и авторитарной идентичности во второй половине 1930-х годов до смерти Иосифа Сталина в 1953 году. Смерть советского диктатора не означала конца эпохи сталинизма, в том числе – и в культуре, где некоторые элементы «большого советского дискурса» [2, р. 10] или «высокого» культурного текста в сталинской редакции продолжали существовать и функционировать до начала 1960-х годов. Настоящая статья представляет собой одну из первых в российской исторической науке попыток проанализировать некоторые теоретические проблемы развития феномена «высокого сталинизма» в Грузинской ССР и его проявления на примере текста «Пути развития грузинской советской литературы» советского партийного функционера П. Шария, который в значительной степени оказал влияние на формирование культурного и интеллектуального пространства в этом регионе Советского Союза в 1940-х годов.

Высокий сталинизм представлял собой сложный феномен, одновременно сосуществовавших и софункционировавших трендов в культурной и научной жизни страны. Именно поэтому «высокий сталинизм» в одинаковой степени проявлялся и в гуманитарных науках (в истории и литературоведении), и в тех отраслях культуры (в первую оче-

редь – в художественной литературе), которые эти науки были призваны изучать. Анализируя феномен «высокого сталинизма», следует принимать во внимание его многонациональный характер – высокий сталинизм функционировал и в национальных республиках Советского Союза, существенно меняясь и завися от местных национальных особенностей. «Высокий сталинизм» в Украинской ССР отличался от аналогичных культурных трендов в Латвийской ССР, а «высокий сталинизм» в Грузинской ССР обладал рядом уникальных характеристик, которые отличали его от похожих культурных и интеллектуальных тенденций, например, в Молдавской ССР. Но все национальные формы «высокого сталинизма» развивались вокруг фигуры Иосифа Сталина, культ личности которого обладал значительным интегрирующим потенциалом, способствуя функционированию и развитию ряда нарративов, связанных как с требованиями политической лояльности, так и проявлением того, что было дозволено в рамках идентичностей наций в советских республиках.

Особым феноменом «высокий сталинизм» оказался в Грузинской ССР – родине самого Иосифа Сталина. Грузинские интеллектуалы вплоть до начала 1960-х годов неоднократно подчеркивали грузинское происхождение советского лидера [3, р. 111–112; 4, р. 235–257], а фигура Сталина их усилиями была интегрирована не просто в советскую историю, но и в национальную историю грузин. Играя на грузинском происхождении Сталина, грузинские интеллектуалы добились особых условий для функционирования грузинского интеллектуального сообщества, и, хотя во второй половине 1930-х годов оно пострадало от политических репрессий, позднее представители грузинской гуманитарной интеллигенции позволяли себе то, что было недопустимо в других национальных республиках. В наибольшей степени это проявлялось в отношении к так называемому «буржуазному национализму». Подобно другим союзным республикам местные партийные власти в Грузинской ССР периодически организовывали идеологические кампании для борьбы с пережитками национализма, но в целом националистический дискурс в советской Грузии был более устойчив и очевиден в культуре и науке, чем аналогичные явления в других республиках. Грузинская ССР (и соседняя с ней – Армянская ССР) избежала в отличие от других республик массовых миграций русского населения, и поэтому грузины составляли большинство населения. Кроме этого, грузинский язык сохранил реальное значение не только в сфере образования и культуры, но и в государственном управлении.

Советское общество было обществом авторитарным, а авторитаризм представляет своим гражданам крайне ограниченное число возможностей для проявления своей национальной идентичности. С другой стороны, Советский Союз был и федерацией, построенной по национальному признаку, и проблемы проявления идентичности были тесно связаны с тем, как национальные республики и их элиты проявляли и демонстрировали свою лояльность. Мы неоднократно констатировали, что Грузинская ССР в значительной степени отличалась от других республик ввиду того, что местные политические элиты смогли сохранить Грузинскую ССР как некое национальное государство грузин в составе Советского Союза. Поэтому особую роль в политической и культурной жизни республики играл грузинский национализм. Роль и значение национализма проявлялись в официальном статусе грузинского языка в том, что значительная часть научной литературы первоначально выходила именно на грузинском языке. Русские версии были, как правило, не оригинальными исследованиями, а переводами с грузинского. Выше автор отметил, что Советский Союз был авторитарным государством – авторитаризм ограничивает политическое участие граждан, резко сужая каналы для проявления идентичности. Несмотря на то что, по словам В.А. Шнирельмана, «в СССР была создана достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией» [5, с. 20] национальные / националисти-

ческие нарративы и настроения все же играли определенную роль. Следует помнить, что грузинская гуманитарная интеллигенция была «частью советского интеллектуального сообщества, ей были в равной мере присущи унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора» [6, с. 351]. В такой ситуации важным каналом для проявления и подчеркивания национальной идентичности в СССР были гуманитарные исследования, в том числе литературоведение и история литературы. Грузинская ССР не была исключением.

Гуманитарные исследования в национальных республиках были обречены быть националистическими. Не являлась исключением и Грузинская ССР – республика с ярко выраженной национальной и политической уникальностью. Изучение истории грузинской литературы было важным средством для поддержания, сохранения и стимулирования национальной идентичности ввиду того, что «дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры» [7, с. 156]. С другой стороны, национальные интеллигенции в СССР, по словам П. Варнавского, были «вынуждены адаптировать специфику националистической риторики к требованиям советского идеологического текста» [7, с. 157]. Грузинская интеллигенция не была исключением. Литературные штудии были не только проявлением идентичности – они были интегрированы в официальный идеологический канон [8, с. 111–118], и поэтому научные нарративы должны были выстраиваться в соответствии с нормами функционирования этого канона и требованиями лояльности, а также цензуры. Грузинская ССР принадлежала к числу тех республик, где «высокий сталинизм» был окрашен в ярко выраженные национальные тона. Выше автор констатировал, что одной из сфер доминирования культурного текста эпохи «высокого сталинизма» были литературные исследования и сама литература, которая развивалась в условиях жесткого идеологического и цензурного контроля. С другой стороны, особенностью функционирования культурного текста в национальных республиках было то, что власти были вынуждены периодически «приручать» и подчинять дискурс, так как местные интеллектуалы время от времени пытались освободиться от культурного влияния.

В Советском Союзе этот процесс подчинения дискурса имел разные формы – от репрессий и физического уничтожения интеллигенции до своеобразного самоподчинения и интеллектуального самобичевания писателей и поэтов, писавших на национальных языках. Первый тип подчинения практиковался в 1930-е годы, когда власти подчиняли культурный дискурс, который существовал относительно свободно и бесконтрольно на протяжении 1920-х годов. Второй тип подчинения имел место после завершения Великой Отечественной войны. Несмотря на отказ от открытой репрессивной политики, местные национальные сообщества были вынуждены заплатить высокую цену за свое существование, поступившись некоторыми правами, отказавшись от ряда тем и сюжетов, приблизив национальный культурный контекст к советскому культурному канону. Одна из подобных кампаний по подчинению культурного текста в Грузинской ССР эпохи «высокого сталинизма» проходила в 1946 году, в период Третьего съезда советских писателей Грузии, состоявшегося 9 сентября 1946 года. К середине 1940-х годов советские власти уже прочно и надежно контролировали [9, с. 329–343] культурный текст в национальных республиках. Поэтому, вероятно, следует вести речь не о борьбе за контроль над дискурсом, а о его некоторой корректировке, инициированной властями. В период съезда был заслушан доклад «Пути развития грузинской советской литературы», автором которого стал П. Шария (შარია). Сам текст доклада, который, вероятно, следует рассматривать как своеобразное место социальной памяти в культурной истории советской Грузии, наметил основные границы обновленного культурного дискурса, четко разделив и разграничив дозволенное и недозволенное.

Доклад открывался традиционными для советской эпохи констатациями той высокой роли, которую играет литература в «духовной жизни народа» и признание того, что развитие советской литературы было бы невозможно без заботы со стороны Коммунистической партии и советской власти. В начале доклада мы сталкиваемся с почти ритуальным упоминанием В.И. Ленина – центральной фигуры советского идеологического и политического пантеона. В этом контексте П. Шария констатировал, что именно ленинизм представляет собой «высшее достижение в развитии человеческого мышления». Но по канонам развития советского культурного текста в сталинскую эпоху фигура Ленина должна была развиваться в контексте Сталина, и поэтому имя Сталина упоминается уже на второй странице выступления П. Шария. Сталин предстает не просто как советский лидер и борец против «глашатаев реакции, против оппортунистов и ревизионистов всех мастей», но и как деятель национальной грузинской культуры: «товарищ Сталин, создавая подлинно революционную литературу в Грузии и Закавказье, опирался на традиции грузинской литературы» [10, с. 3–4].

В своем докладе П. Шария стремился укрепить границы официального советского культурного (литературного) текста, подвергая уничижительной критике тех, кто не вписывался в советский канон развития литературы в контексте «общей ленинско-сталинской генеральной линии большевистской партии с перспективой победы социализма и коммунизма» [10, с. 7]. В первую очередь критика была направлена против тех, кто не принял социалистический реализм, но «встретил революцию враждебно, отрекся от нее и стал искать убежище в различных новых «измах». Шария обрушился на тех, кто «оказался неисправимым, укрылся в норах и щелях». Подчеркивая свою лояльность советскому канону, Шария констатировал, что такими чуждыми авторами являются Зощенко и Ахматова, которые «озлобились вследствие крушения всякой надежды на «воскрешение» их затхлого идейного мирка» [10, с. 5]. С другой стороны, он призывал окончательно очистить советскую литературу, в том числе и грузинскую, от литературных течений прошлого, например символизма, остатки которого, по мнению П. Шария, следовало «выкорчевать» [10, с. 44] из грузинской литературы. После этих ритуальных деклараций верности коммунистической партии и критики ее противников П. Шария (начиная с восьмой страницы) переходил непосредственно к грузинской литературе. Если на первых страницах П. Шария именно советский писатель, то после того, как речь зашла о грузинской культуре, в его тексте стал заметен национально маркированный и ориентированный контент.

По мнению П. Шария, грузинская литература занимала одно из центральных мест в развитии того, что современные грузинские авторы определяют как «идентичность». Подчеркивая роль литературы в развитии Грузии, П. Шария констатировал, что литературные традиции грузин развивались в контексте его уникальных «духовных качеств и исторической судьбы» [10, с. 8]. В этом контексте докладчик, констатировавший, что «высококультурному, но малочисленному и миролюбивому грузинскому народу приходилось на протяжении многих веков вести длительные жестокие войны против бесчисленных завоевателей, которые по сравнению с грузинским народом стояли на более низком культурном уровне» [10, с. 8–9], выступал как грузинский националист, подчеркивающий примордиальность грузинской национальной истории и самой нации, которая была призвана, по его мнению, доминировать (хотя бы культурно) среди соседей. Именно с коварством этих соседей П. Шария связывал и то, что средневековая Грузия утратила свою политическую независимость, «не устояв против сокрушительного напора вражеских орд». В условиях отсутствия независимости именно литература, как полагал П. Шария, стала основой национальной идентичности. С другой стороны, П. Шария был вынужден

умолчать о том, что включение Грузии в состав России также стало потерей независимости, но обойти вниманием сам факт он не смог. Но и в этом контексте интерпретация явно национально ориентирована: в понимании П. Шария грузинская литература в России «стояла во главе национально-освободительной борьбы» [10, с. 9].

Развитие грузинской литературы после 1917 года П. Шария интерпретировал в рамках советского канона, полагая, что ее история была историей постепенного утверждения метода социалистического реализма и временем изживания и исчезновения чуждых ему форм и течений. Грузинские академики, по мнению П. Шария, были буржуазными националистами, которые, «прикрываясь национальным знаменем, проводили реакционные идеи». Группа «Голубые роги» интерпретировалась им как «декадентско-нигилистская». Отличительной чертой грузинского футуризма объявлялось «художественное убожество» [10, с. 10–11]. Текст выступления П. Шария интересен в контексте не просто культа личности Сталина, но и своеобразных культов руководителей национальных республик. П. Шария, в частности, констатировал, что «бурный рост грузинской советской литературы и культуры Советской Грузии начался именно с того периода, когда во главе большевиков Грузии стал товарищ Лаврентий Берия», с деятельностью которого, по его мнению, было связано и то, что литература в Грузинской ССР стала важным фактором «коммунистического воспитания молодого поколения» [10, с. 11, 15]. Принимая участие в кампании по «приручению» культурного и интеллектуального дискурса в Грузинской ССР, П. Шария был вынужден уделить значительное внимание критике «нездоровых тенденций» [10, с. 12], что вылилось в критику того, что в советском официальном каноне именовалось буржуазным национализмом. П. Шария обрушился с критикой на национализм, который, по его мнению, проявлялся в «безыдейных, весьма слабых в художественном отношении и лишенных всякого общественного звучания стихотворений». П. Шария настаивал, что национальная ориентация грузинской интеллигенции оказывает вредное влияние на молодежь, «порождая нездоровые настроения, внося своего рода дезориентацию в его духовный мир» [10, с. 13, 15]. Он полагал, что приверженность грузинской интеллигенции национальным ценностям несовместима с моралью коммунистической партии.

В связи с этим им подчеркивалось, что национально ориентированные произведения «не могут отвечать устремлениям нашего народа, не может содействовать мобилизации его духовных сил на выполнение величественных планов четвертой сталинской пятилетки» [10, с. 15]. Подобные декларации, вероятно, свидетельствовали о расколе среди грузинской интеллигенции, в рамках которой, несмотря на сильную идентичность, наметился раскол и начало складываться в первую очередь политическое течение, ориентированное на постепенную денационализацию культурного текста в Грузинской ССР. В докладе «увлечение исторической тематикой» [10, с. 13] также было квалифицировано как проявление национализма. П. Шария выступил с критикой известных в середине 1940-х годов грузинских авторов, которых обвиняли в написании и издании «идейно неприемлемых, мистически-клерикальных упадочнических произведений» [10, с. 17]. Алио Машашвили (ალიო მაშაშვილი) был обвинен в отходе от социалистического реализма в сторону «странной смеси безыдейности и доморощенной философии». Григолу Абашидзе (გრიგოლ აბაშიძე) приписывалось не только «производство литературного брака», но и «дурное влияние на молодое поколение». Поэту Шатберашвили (შატბერაშვილი) П. Шария вообще посоветовал «просто молчать» [10, с. 14–15]. В то время как в рамках Советского Союза главными объектами для критики стали журналы «Звезда» и «Ленинград», то в Грузинской ССР роль главных жертв была отведена журна-

лу «მხატობი» и газете «ლიტერატურა და ხელოვნება», которые, по мнению П. Шария, «запестрели беспомощными и бессодержательными стихами» [10, с. 15].

В своем выступлении на съезде П. Шария был вынужден лавировать между требованиями советского идеологического культурного канона и устойчивыми национальными настроениями грузинской интеллигенции. Проявляя политическую лояльность, которая порой граничила с национальным нигилизмом (о чем речь шла выше), П. Шария акцентировал внимание и на значительной национальной уникальности грузинской культурной истории и литературы, ее близости к античному наследию («средневековая Европа еще не знала корифеев античной Греции, когда основные произведения некоторых из них были переведены на грузинский язык» [10, с. 72]). П. Шария констатировал и некоторую позитивную роль христианства в истории Грузии, полагая, что «для грузинского народа и государства христианство было не столько вопросом религии, сколько вопросом культурно-исторической ориентации». По мнению П. Шария в средневековой Грузии христианство играло положительную роль, будучи основой «национальной культуры и цивилизации» [10, с. 32]. П. Шария отвергал мнение о том, что грузинская проза не имеет исторических традиций, как ошибочное, указывая на то, что «грузинская проза является древнейшей в мире христианской цивилизации» [10, с. 24]. Но, с другой стороны, он предостерегал грузинских писателей от абсолютизации древности грузинской литературы, в чем видел проявление буржуазного национализма. Не менее опасным явлением, по его мнению, был и интерес грузинских авторов к исторической проблематике: историческая тема в грузинской литературе должна иметь второстепенный характер. В этом контексте главной жертвой критики П. Шария стал Константинэ Гамсахурдиа. Роман «Похищение луны» был назван «самым слабым» [10, с. 26–27] произведением писателя. Среди прегрешений К. Гамсахурдиа перед советской литературой были и неверное отображение исторического прошлого, и чрезмерное описание истории правящих классов, а не «простого народа», и значительное использование архаизмов и интерес к древнему грузинскому язычеству (в чем цензура была склонна видеть проявление национализма), и увлечение порнографическими сюжетами [10, с. 29–31].

Писателям, увлекавшимся историческими сюжетами, П. Шария противопоставлял произведения, посвященные современности, которые «достойно отражают советскую действительность». С другой стороны, П. Шария все же был вынужден указать, что именно К. Гамсахурдиа является одним из «лучших писателей исторического жанра в советской литературе» [10, с. 26, 29]. Несмотря на подобные оценки, подход П. Шария к грузинской литературе был в целом интегрирован в советский идеологический дискурс. Поэтому он констатировал, что грузинская литература, наравне с другими литературами СССР, отражает процесс строительства нового общества. С другой стороны, в этих интерпретациях мы все же можем обнаружить элементы и национального нарратива. В частности, анализируя проблемы грузинской поэзии, и как раз той ее части, что связана с «образом нашего великого вождя», П. Шария констатировал, что наибольших успехов в этом направлении достигла именно грузинская литература [10, с. 38].

В подобной ситуации грузинская национальная идентичность не только сохранилась, но и пережила советизацию, интеграцию в советский политический и идеологический канон. Анализируя грузинский национализм, во внимание следует принимать и то, что эта интеграция была неполной, что оставляло грузинским национально / националистически ориентированным интеллектуалам возможность не только для сохранения, но и развития грузинской идентичности как на этнической, так и на политической основе.

Ссылки:

1. Ward Ch. What is History? The Case of Late Stalinism // RH. 2004. Vol. 8. No. 3.
2. Gigineishvili L. Post-reform history textbooks in Georgia: changing patterns and the issue of minorities in Georgian history // History Teaching in Georgia: representation of Minorities in Georgian history textbooks. Geneva, 2007.
3. Georgia and Stalin // EAS. 1956. Vol. 8. No. 1.
4. Krausz T. Stalin's socialism' – today's debates on socialism: theory, history, politics // CPol. 2005. Vol. 11. No. 4.
5. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.
6. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // АИ. 2003. № 3.
7. Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926–1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // АИ. 2003. № 1.
8. Русева В. Конструированата идентичност // Култура и критика / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна, 2003. Т. 3 (Краят на модерността?).
9. Шкандрий М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби. Київ, 2004.
10. Шария П.А. Пути развития грузинской советской литературы. Доклад на III съезде советских писателей Грузии 9 сентября 1946 года. Тбилиси, 1946.

References (transliterated):

1. Ward Ch. What is History? The Case of Late Stalinism // RH. 2004. Vol. 8. No. 3.
2. Gigineishvili L. Post-reform history textbooks in Georgia: changing patterns and the issue of minorities in Georgian history // History Teaching in Georgia: representation of Minorities in Georgian history textbooks. Geneva, 2007.
3. Georgia and Stalin // EAS. 1956. Vol. 8. No. 1.
4. Krausz T. Stalin's socialism' – today's debates on socialism: theory, history, politics // CPol. 2005. Vol. 11. No. 4.
5. Shnirel'man V.A. Voyny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e. M., 2003.
6. Usmanova D. Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskie i intellektual'nye debaty na rubezhe vekov // AI. 2003. № 3.
7. Varnavskiy P. Granitsy sovet'skoy buryatskoy natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926–1929 gg. v proektah natsional'noy intelligentsii i natsional-bol'shevikov // AI. 2003. No. 1.
8. Ruseva V. Konstruiranata identichnost // Kultura i kritika / comp. by A. Vacheva, G. Chobanov. Varna, 2003. Vol. 3 (Krayat na modernostta?).
9. Shkandriy M. V obiymah imperiy. Rosiys'ka i ukrains'ka literatura novitn'oi dobi. Kiev, 2004.
10. Shariya P.A. Puti razvitiya gruzinskoy sovetskoy literatury. Doklad na III siezde sovetskih pisateley Gruzii 9 sentyabrya 1946 goda. Tbilisi, 1946.